

УДК 94(47)

SERGEY IVANOVICH MIKHALCHENKO

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for Fundamental and Applied Research,
Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University,
241036, Russian Federation, Bryansk, Bezhitskaya st., 14.
E-mail: smikh10@mail.ru*

Review of monograph by E.A. Rostovtsev
«The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society and Power
(second half of the XIX – beginning of the XX century)»
(Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.)

The review is devoted to a fundamental study of the history of the St. Petersburg Imperial University of the second half of the 19th – early 20th century. Author of the monograph is an Associate Professor of St. Petersburg State University. Evaluating the university as a largely closed corporation, E.A. Rostovtsev presented a detailed analysis of internal academic history: he described the structure of the university, the formation and development of the teaching staff, as well as the students of the University of St. Petersburg. He paid much attention to the relationship between the university and society and the state, including the Ministry of Education. Also, the participation of university students in the main events of the Russian history of the turn of the century is analyzed.

The author of the review, evaluating the book (while not ignoring the shortcomings), concludes about the serious contribution that Rostovtsev's research makes into history.

Keywords: *St. Petersburg University, E.A. Rostovtsev, University Corporation.*

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ МИХАЛЬЧЕНКО

*Доктор исторических наук, профессор,
директор НИИ фундаментальных и прикладных исследований
Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.
241036, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14.
Тел.: (4832) 58-93-39, e-mail: smikh10@mail.ru*

Рецензия посвящена фундаментальному исследованию истории Санкт-Петербургского Императорского университета второй половины XIX – начала XX века. Автор монографии – доцент Петербургского государственного университета. Расценивая университет как во многом замкнутую корпорацию, Е.А. Ростовцев представил подробный анализ внутренней академической истории: охарактеризовал структуру университета, становление и развитие преподавательского корпуса, а также студенчество столичного университета. Значительное внимание он уделил взаимоотношениям университета с обществом и государством, в том числе Министерством народного просвещения. Также проанализировано участие университетов в главных событиях российской истории рубежа веков.

Автор рецензии, оценивая книгу (при этом не обходя вниманием и недочеты), делает вывод о серьезном вкладе, который вносит исследование Ростовцева в историческую науку.

Ключевые слова: *С.-Петербургский университет, Е.А. Ростовцев, университетская корпорация.*

Рецензия на монографию Ростовцева Е.А.
«Столичный университет Российской империи: ученое сословие,
общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.)»
(М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.)

История высшего образования императорской России в последнее время является одним из популярных направлений исследования – постоянно публикуются статьи и монографии, посвященные как образовательной политике российского правительства в целом, так и истории отдельных высших учебных заведений, в том числе университетов [1; 2]. Зачастую стимулами к появлению такого рода публикаций служат различные юбилейные даты либо самих вузов, либо их выпускников, поэтому тексты носят иногда панегирический характер, что, впрочем,

не умаляет их достоинства как свода многочисленных фактов. Другим направлением в исследованиях высшего образования в последние десятилетия является попытка сравнительного анализа университетов России и зарубежных стран (прежде всего, конечно, европейских) по степени их вовлеченности в политическую и общественную жизнь, по степени влияния на жизнь государства и общества [3]. Последнее является тем более продуктивным, что в России, как известно, была заимствована европейская (германская) модель университетов. Написанная Е.А. Ро-

стовцевым монография представляет собой попытку объединить корпус многочисленных новых фактов по истории Петербургского университета конца XIX – начала XX в. с показом роли этого учебного заведения в жизни страны и ее столицы. При этом автор исходит из возможности рассмотрения университета как во многом единой корпорации, объединяющей преподавателей и студентов, обладающей автономией и в значительной степени могущей быть противопоставленной остальной, внеуниверситетской жизни. Книга Ростовцева состоит из девяти глав, объединенных в две части.

Первая часть посвящена общим вопросам жизни университета, организации его деятельности в 1884–1917 гг.

Автор подробно анализирует систему формирования и состав профессорско-преподавательского сообщества, описывая этапы становления преподавателя от магистранта до ординарного профессора. Безусловно, новаторскими следует признать выводы автора о системе взаимоотношений между «старшими» и «младшими» преподавателями в столичном университете, где противоречия между ними были, но «такого резкого противостояния, как, например, в Москве, здесь, в конце концов, удалось избежать» в связи с тем, что «во-первых, состав «приват-доцентской» корпорации здесь был слишком представительен. Во-вторых, в среде «младших преподавателей» доминировали либеральные политические настроения, близкие либеральному большинству Совета». Автор справедливо подчеркивает, что «при обсуждении будущего университетского устройства «младшим преподавателям» удалось фактически связать проблему расширения собственных академических прав с общей программой либерализации высшей школы» [4, с. 141].

Важным разделом первой части является просопографический анализ профессорско-преподавательского сообщества университета. Ростовцев приводит значительную статистическую информацию, подробно характеризуя по факультетам половозрастную структуру (собственно, женщин в этот период преподавало всего две), уровень острепенности («Наибольшей острепенностью отличались преподаватели точных и естественных наук. Если в первый период всего 31,7% всех преподавателей физико-математического факультета обладали научной степенью, то во второй период таковых было 93,2%, в третий 87,5%. Эти показатели значительно превосходят данные других факультетов» [4, с. 155–156]), места совместительства преподавателей в других вузах столицы, сословный состав. При анализе последней составляющей делается доказательный вывод, «что процесс демократизации образовательной системы, связанный с массовым наплывом в высшие учебные заведения (в том числе в Петербургский университет) представителей непривилегированных сословий, не успел существенным образом сказаться на составе факультетской преподавательской корпорации» [4, с. 174].

Весьма важны и сведения (кстати, впрямую коррелирующие с современными реалиями) о публикацион-

ной активности преподавателей. Автор, отмечая здесь первенство историко-филологического факультета, справедливо показывает, что «на количественные показатели также воздействовало и многократное переиздание (в том числе литографическим способом) лекций, читаемых преподавателями в университете и других учебных заведениях» [4, с. 168].

Весьма любопытны буквально афористичные характеристики факультетов, сделанные автором по итогам просопографического анализа. По его мнению, физмат, занимавший наименьшее место по количеству преподавателей, тем не менее представлял своего рода корпорацию в корпорации, значительно отличаясь по организации работы и научным показателям от трех гуманитарных факультетов. Восточный факультет отличался наибольшей кастовостью, историко-филологический – особенно в начале XX в. – привлекал значительное количество представителей аристократических слоев общества, а юридический служил мостиком между университетом и обществом, имея наибольшую практическую направленность в преподавании [4, с. 203–205]. Любопытно никак, правда, не объясненное наблюдение о том, что большинство диссертаций, защищавшихся на юрфаке (во всяком случае, в начале XX в.), носило исторический характер [4, с. 191]. Представляется, что это может быть объяснено как затрудненностью научного изучения догмы русского права после утверждения законов императором, так и мощной традицией изучения истории права, существовавшей в дореволюционной России.

Значительное место (хотя, кажется, и меньшее, чем преподавателям) уделяет автор студентам университета. Наряду с также имеющимися здесь статистическими характеристиками, большой, пожалуй, интерес представляют наблюдения Ростовцева над системой преподавания и научной подготовки в университете. Так, следует отметить весьма скрупулезный анализ роли лекций и семинаров в подготовке специалиста. Как остроумно подмечено соискателем, «от успеха лектора могло зависеть «общественное» отношение студенчества к целой отрасли знания». А «лекции, воспринимавшиеся как публичный акт, были основным объектом обструкций, выражения студенческих эмоций, как положительных, так и негативных. При этом личность преподавателя и содержание лекции могли быть вторичными по отношению к общественному контексту, в котором проходила лекция» [4, с. 246].

Любопытны и выводы автора, кажущиеся более применимыми к современности, о том, что лекции уже в начале XX в. изжили себя как форма преподавания («не включенным в достаточной степени в университетскую традицию современникам лекции представлялись иногда излишними и бесполезными, иногда просто-напросто странным явлением»). Но замечание о том, что «в контексте традиций «театральности» лекционного преподавания и необязательности их посещения студентами в описываемый период они уже не были основной формой трансляции знания» [4, с. 250], представляется все же излишне категоричным, поскольку при ограниченности перечня

развлечений в то время любое публичное действо, к которым относилась и лекция, должно было волея-неволей носить оттенок театральности. Такой оттенок носили, например, и судебные заседания, недаром именно адвокаты начала XX в. до сих пор являются образцами красноречия. Но при этом никто не отрицал и содержательную сторону этих выступлений. Подобный вывод, думается, может быть применен и к лекциям.

При анализе иных форм работы со студентами Ростовцев присоединился к точке зрения ряда историков (в том числе и автора настоящего отзыва) [5, с. 12] о решающей роли семинаров и вообще педагогического общения в становлении научных школ [4, с. 257, 327].

Значительное внимание уделено в монографии организации магистрантской подготовки в университете. Ростовцев показывает, как отбирались «оставленные при кафедре», как сдавались магистерские экзамены, наконец, как организовывались диспуты. Излишне категоричным представляется утверждение автора, что защиты по старым правилам прекратились в 1917 г. Как пишет сам Ростовцев, отмена степеней произошла только в конце 1918 г., а до тех пор защиты продолжались и при большевиках (известный пример – защита А.Е. Преснякова). Да и позже, как свидетельствуют факты биографии П. Сорокина, защиты в Петроградском университете были возможны, хотя и не завершались формальным присуждением ученой степени.

Трудно согласиться с утверждением автора о том, что представители преподавательского состава столичного университета (особенно из числа его выпускников), по тем или иным причинам не могущие (или не желающие) защищать диссертацию в *alma mater*, ехали защищаться непременно в Москву [4, с. 322]. А как же, например, защита докторской П.Б. Струве в феврале 1917 г. в Университете св. Владимира в Киеве? Московский университет, как альтернатива, безусловно, лидировал, но все же не был единственно возможным местом защит.

Итогом размышлений Ростовцева над общими принципами организации жизни Петербургского университета рубежа веков является бесспорный вывод о том, что академическое сообщество столичного университета «составляло социальную группу с устойчивыми корпоративными признаками: формальной и неформальной иерархией, общей системой ценностей и понятий, объединенной внутренней идентичностью, традиционными коммеморациями и коллективной памятью» [4, с. 348].

Вторая часть исследования посвящена месту университета в общественно-политических событиях 1884–1917 гг. Автор детально анализирует деятельность руководства университета по отстаиванию университетской автономии; политику государства по отношению к университету в это время. Даются подробные характеристики роли министров народного просвещения в организации деятельности университета, при этом особое внимание уделяется примерам покушения на автономию вуза (например, Л.А. Кассо). Значительное внимание (и вполне справедливо) уде-

ляется вовлеченности университета в переломные для истории страны события – революции 1905–1907 и 1917 гг., Первую мировую войну.

Выводы автора здесь вполне доказательны и особенны, думается, «работают» на его допущение об университете как во многом единой автономной корпорации. Подчеркивается, что внешние события только тогда приводили к масштабным кризисам, «когда угрожали неформальной автономии университета, являлись вызовом “патерналистской модели” и грозили разрушить единство университетской семьи. Коллективные действия профессорской коллегии (и преподавательской корпорации в целом) не только помогали преодолевать кризисы, но и способствовали росту ее внутренней идентичности и солидарности, позволяя профессорам оставаться реальными хозяевами в университете и заставляя власть все более считаться с позицией университетских “мандаринов”» [4, с. 524].

Одним из доказательств отстаивания идей автономии в противовес общественным нуждам автор полагает неудавшееся открытие в университете медицинского факультета. Даже в годы войны 1914–1918 гг. практика университетского преподавания не стала ориентироваться на выполнение конкретного социального заказа. Поэтому вывод автора о том, что «в условиях сражающейся страны университет в целом продолжал жить размеренной академической жизнью», представляется вполне допустимым» [4, с. 726], тем более что, в отличие от Варшавского, Киевского и Юрьевского университетов, Петроградский в рассматриваемый период так и не стал в полном смысле этого слова прифронтовым и не был в связи с этим эвакуирован на восток страны.

Автор фактически доводит изложение истории университета до начала 1920-х гг., делая ожидаемый вывод о том, что к началу 1923 г. Петроградский университет (равно как и другие университеты страны) превратился уже в чисто советское учреждение» [4, с. 753].

Завершает монографию представляющая безусловный интерес попытка коллективного (хотя и весьма краткого) портрета эмигрантов из числа универсантов Петрограда. Приведен подробный список эмигрировавших. Как полагает автор, «эмигранты-выпускники и преподаватели С.-Петербургского университета в определенной мере сохраняли еще многие десятилетия коллективную идентичность связанную с корпорацией», в том числе отмечали день основания университета [4, с. 764].

Несмотря на несомненные достоинства работы, в столь обширном исследовании не могут не содержаться положения, вызывающие желание подискутировать. Кроме уже отмеченных, можно указать на следующие:

Трудно согласиться с несколько приниженной характеристикой юридического факультета как учебно-научного подразделения. Так, по мнению Ростовцева, наибольшее количество студентов среди факультетов университета на юрфаке объясняется исключительно легкостью обучения юриспруденции. «Именно необременительностью занятий юридический факультет

привлекал молодежь и обеспечивал себе численное превосходство в университете по количеству студентов», – утверждает автор [4, с. 266]. Этот вывод представляется односторонним: количество практических занятий на юрфаках в начале XX в. было не меньше, чем на других факультетах, а необходимость комментировать, а иногда и выучивать наизусть многочисленные кодексы вполне могла сравниться с изучением древних памятников у филологов или востоковедов. Возросший интерес молодежи к праву объяснялся тем же, чем и сейчас – возможностью (не всегда, правда, реализовывавшейся) сделать карьеру, прежде всего, адвоката в связи с большой потребностью в юристах, испытываемой судебными учреждениями после реформы 1864 г. По воспоминаниям студента Московского университета конца XIX в., «многие из нас со второго-третьего курса начинали мечтать о профессорской кафедре и уголовной защите. Профессура и адвокатура – вот два пути, привлекавшие большинство из студентов моей группы» [6, с. 24]. Хотя это писал выпускник Московского университета, думается, что его мысль можно распространить и на другие юрфаки начала века, тем более при значительном количестве мест службы для юриста в столице.

Одной из задач работы является анализ места университета в городском научном и социально-политическом пространстве. Представляется, однако, что исследование выиграло бы от показа взаимоотношений Петербургского университета с другими университетами и иными высшими учебными заведениями

Российской империи. В работе изредка упоминается только Московский (например, как альтернативное место защиты диссертации при невозможности организации диспута в С.-Петербургском), о других не говорится ничего. Только как место возможного совместительства профессоров характеризуются и иные вузы столицы. Неужели взаимоотношения ограничивались только этим?

Думается, что автор расширительно трактует принадлежность того или иного преподавателя к корпорации столичного университета. Так, в списке корпорантов-эмигрантов встречаем фамилии профессоров, преподававших в нем всего несколько лет или вовсе не преподававших, но только числившихся. Таковым был, например, выпускник Варшавского университета юрист Ф.В. Тарановский. В списке он значится как преподававший в 1917–1920 гг. [4, с. 763]. Между тем реально он преподавал как приват-доцент несколькими годами ранее, а в 1917 г., хотя и был избран в профессора, реально к преподаванию практически не приступил, уехав на Украину [5, с. 137–138; 7].

Эти недочеты никак не отрицают главного вывода – Е.А. Ростовцев представил серьезный обобщающий труд по истории С.-Петербургского университета. Впечатляет обширный перечень использованных источников (в том числе неопубликованных) и литературы. Многие из источников впервые вводятся в научный оборот. Как многочисленные факты, так и теоретические выводы работы, бесспорно, войдут в арсенал историков.

Литература и источники

1. Вишленкова Е., Галиуллина Р., Ильина К. Русские профессора: Университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с.
2. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи XVIII–XX века: Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.
3. Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 777 с.
4. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
5. Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.; Брянск: Прометей; Изд-во Брянского госпедуниверситета, 1996. 186 с.
6. Сочивко С.К. Шестая Симфония // Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX веков. Сборник воспоминаний. Париж: Свеча, 1934. С. 17–35.
7. Савчук В.С. Федір Васильович Тарановський: тернистий шлях до еміграції // Чорноморський літопис. 2010. № 1. С. 124–131.

References

1. Vishlenkova E., Galiullina R., Il'ina K. *Russkiye professora: Universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'* [Russian professors: University corporateism or professional solidarity]. Moscow, Novee literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 656 p.
2. Ivanov A.E. *Uchenoe dostoinstvo v Rossiiskoi imperii XVIII–XX veka: Podgotovka i nauchnaya attestatsiya professorov i prepodavatelei vysshei shkoly* [Academic virtue in the Russian Empire of the 18th–20th century: Preparation and scientific certification of professors and teachers of higher education]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016, 656 p.
3. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [University and city in Russia (early 20th century)]. T. Maurer and A. Dmitriyev (eds.). Moscow, Novee literaturnoe obozrenie Publ., 2009, 777 p.
4. Rostovtsev E.A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Capital University of the Russian Empire: Academics, Society and Power (second half of the XIX – beginning of XX century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.
5. Mikhachenko S.I. *Kiyevskaya shkola v rossiiskoi istoriografii (shkola zapadno-russkogo prava)* [Kiev School in Russian Historiography (School of Western Russian Law)]. Moscow, Bryansk, Prometey Publ., Bryansk State University Publ., 1996, 186 p.
6. Sochivko S.K. *Shestaya Simfoniya* [Sixth Symphony]. *Pamyati russkogo studenchestva kontsa XIX – nachala XX vekov. Sbornik vospominaniy* [In memory of Russian students of the late 19th – early 20th centuries. Collection of memories]. Paris, Svecha Publ., 1934, pp. 17–35.
7. Savchuk V.S. *Fedir Vasyl'ovych Taranovskyy: ternystyy shlyakh do emirpatsiyi* [Fedor Vasilyevich Taranovsky: The Thorny Way to Emigration]. *Chornomors'kyi litopys* [Black Sea Chronicle], 2010, no. 1, pp. 124–131.